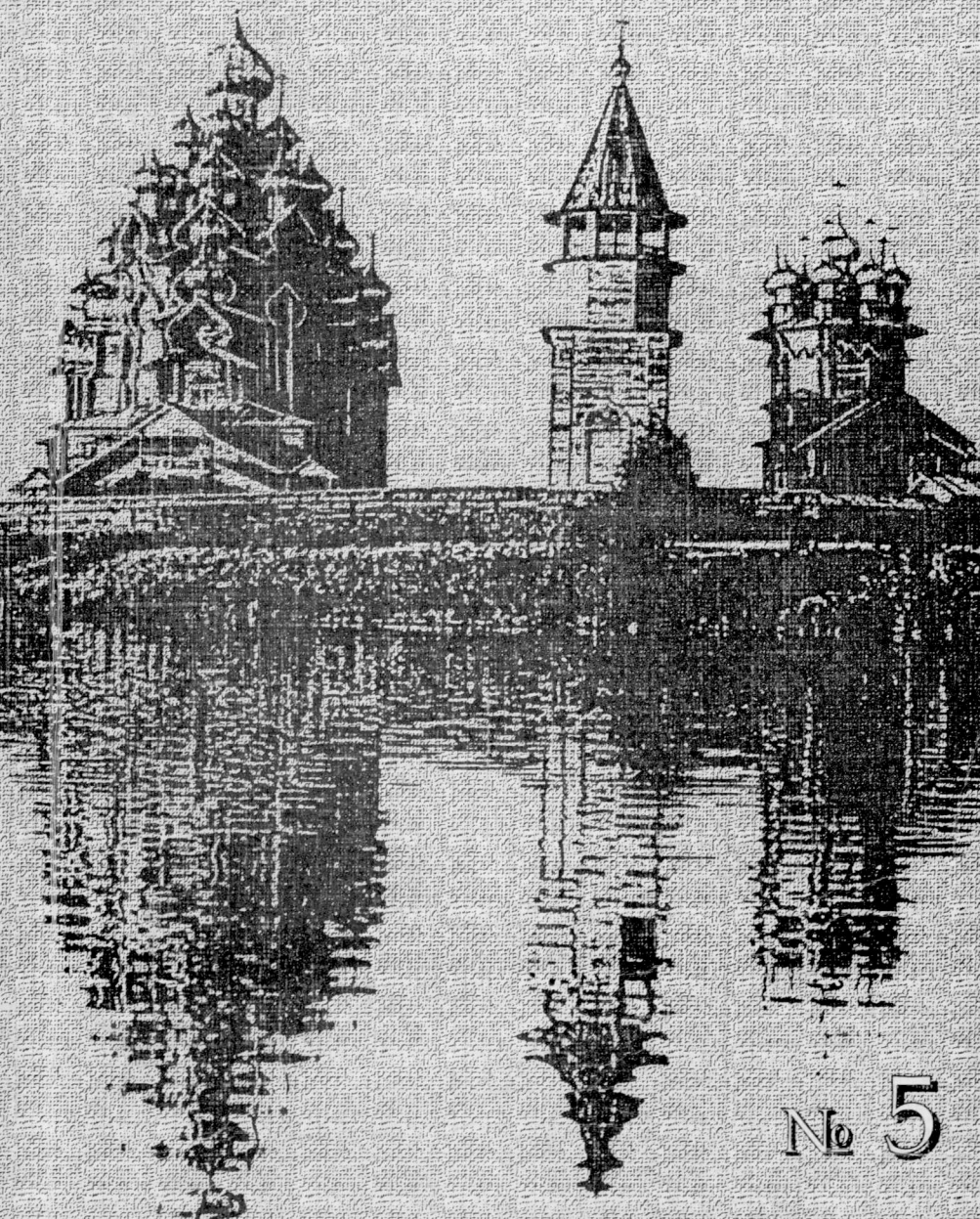


КИЖЕКИЙ

ВЕСТИНИК



№ 5

Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь»

Остров Большой Кийменецкий:
Историко-культурный очерк
КИЖСКИЙ ВЕСТНИК № 5

Сборник статей

Восвещены вопросы историко-культурного наследия вообще и Кижского полуострова с островом Б. Кийменецкий в частности наиболее продуктивным является комплексный подход на основе анализа и синтеза историко-археологических, этнографических, топонимических источников и достижений естественных наук. В результате совместных усилий исследователей в различных областях науки достигнута определенная общность методологических подходов к изучению историко-культурного наследия. Выявлены особенности XIX столетия в Кижском регионе в период становления промышленного предприятия. Сборник статей посвящен изучению историко-культурного наследия в Кижском регионе. В южной части находится южная часть острова, в 11 км на северо-востоке от Петрозаводска. Береговая линия имеет форму буквы «П» и представлена сложными изгибами. В южной части острова находится множество мелких каменистых островов. В южной части острова находится множество мелких каменистых островов. В южной части острова находится множество мелких каменистых островов.

Петрозаводск

Издательство Петрозаводского государственного университета

2000

146479 K

ББК 63.3(2Р31-6Кар)
К 384

Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижь»

Ответственный редактор — *И. В. Мельников*

Рецензенты — *Ю. Ю. Сурхаско, Б. А. Гуцин*

В очередном выпуске «Кижского вестника» публикуются исследования и материалы по традиционной культуре населения Заонежья с древности до конца XIX — начала XX века.

Структура сборника определяется основными направлениями научно-исследовательской работы музея-заповедника «Кижь».

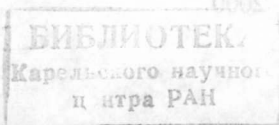
150546 K

К 0503020900 25 - 2000
Д26(03)-2000

ISBN 5-8021-0090-7

© Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь», 2000

© Издательство Петрозаводского государственного университета, оригинал-макет, 2000



И. И. Муллонен

Вырозеро

(статья подготовлена в рамках проекта
РГНФ № 98-01-00035а)

Старая Вырозерская волость, расположенная на материковой дороге из Толвуи в Кузаранду, теперь свелась к нескольким домам. Между тем последние довоенные списки населенных мест Карелии¹ передают картину полнокровной жизни куста поселений, объединявшего 26 небольших деревень с общим числом дворов около 300. Некоторые из этих деревень существовали уже в XVI веке и их зафиксировала писцовая книга от 1563 г.: «дер. на Вирозере словет Софроново» (ср. совр. Софроновская), «дер. на Вирозере словет Демехово» (ср. Демеховская), «дер. на Вирозере словет Федосова» (ср. Федосова Гора). Другие просуществовали до XX века, изменив, однако, название: Клементьевская превратилась в Житницкую, Грихновская стала Римской, а Дороховская — Дальним Углом².

Объединяющим названием куста поселений являлось *Вырозеро* или *Вирозеро* старых источников. Оно явно указывает на то, что ойкономим, т. е. название поселения, восходит к лимнониму, или иначе наименованию озера. И здесь возникает первая загадка, связанная с названием Вырозеро: где располагалось озеро с таким наименованием? В окрестностях села четыре маленьких озера (см. рис. 5), но ни одно из них не называется Вырозером. Из вырозерских озер самое крупное — Ганьковское — имеет то же назва-

© Муллонен И. И., 2000

¹ Список населенных мест Карельской АССР (по сведениям 1933 года). Петрозаводск, 1933.

² Сведения приводятся по: *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 36—53.

ние, что и деревня Ганьковская, расположенная на его юго-восточном берегу. Озеро разделяется глубоко вдающимся в него с южного берега мысом Ганьковский Наволок или Куннаволок на две части: собственно Ганьковское озеро и Угольское озеро, названное по деревне Дальний Угол, расположенной на его южном берегу. В полукилометре от озера Ганьковское на восток находится небольшое озерко Залебежское или Залебежье, окруженное болотом Залебежский Мох. С учетом закономерностей онимической номинации есть основания полагать, что озеро, на котором, по воспоминаниям местных жителей, «лебеди неслись», первоначально называлось *Лебяжьим, в то время как расположенное за ним обширное болото естественно воспринималось как болото «за Лебяжьим озером» и получило название Залебяжский или Залебежский Мох, которое, в свою очередь, позднее повлияло на изменение гидронима *Лебяжье в Залебежское озеро. К северу от Ганьковского озера находится маленькое озерко Посула или Посульское, также стекающее в Ганьковское озеро. Истоки гидронима затемнены. Наконец, четвертое вырозерское озеро — это находящееся у самой дороги глухое озерко Никольское, при котором в прежние годы располагался центр Вырозера, в частности Никольский погост, название которого закрепилось в лимнониме. Поэтому именно Никольское озеро местные старожилы склонны считать *Вырозером*. То, что исторически погост располагался при озере Никольском, — действительно важный аргумент в пользу того, что именно отсюда, с берегов этого озера, мог начинаться когда-то куст поселений Вырозера. С другой стороны, безусловной, жестко детерминированной связи между местом расположения погоста и историческим зарождением поселения нет, потому, хотя бы, что православные церкви и часовни — как показывает и топонимический³ и этнографический материал — часто возникали в местах, бывших культовыми в дохристианское время. Последние же совсем обязательно совпадали с поселениями.

Среди вырозерских озер есть одно, название которого в качестве источника для ойконима *Вырозера* кажется более перспективным, чем Никольское озеро. Это озеро Ганьковское, которое уже сугубо по географическим соображениям является самым приметным в кругу озер Вырозера. Оно значительно больше по размерам, чем маленькое (400 x 200 м) Никольское озеро, соединяет-

³ Муллонен И. И. О «святых» топонимах и некоторых следах древних верований в веисской топонимии // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 11.

ся местной рекой под названием Калей или Калейручей с Онежским озером. Есть еще одна географическая особенность Ганьковского озера, которая должна приниматься в расчет при поиске древнего озера под названием Вырозеро и одновременно при этимологической интерпретации названия. Это форма озера, представляющая собой своего рода дугу, крюк, который образуется из-за глубоко вдающегося в озеро с южного берега упоминавшегося Ганьковского Наволока, известного прежде под именем Куннаволока.

Позволим себе предварить предлагаемую этимологию топонима *Вырозеро* одним замечанием общего порядка, заключающимся в том, что чрезвычайно популярная в Обонежье модель лимнонимов на -озеро (Сяргозеро, Ладвозеро, Пертозеро и др.) представляет собой так называемый тип топонимов-полукалек, образовавшихся в результате перевода на русский язык регулярного, повторяющегося элемента прибалтийско-финских оригиналов: вепс. Särgjärv (-järv 'озеро') > рус. Сяргозеро. Первый же элемент как правило остается непереуведенным. Полные кальки типа Pit'kjärv (pit'k 'длинный, долгий') > Долгозеро рождаются лишь в редких случаях. В Заонежье множество полупереуведенных наименований озер — это, собственно, господствующая здесь модель лимнонимов (ср. Яндомозеро, Космозеро, Леликозеро, Мягрозеро и др.). Очевидно, в этом ряду должно рассматриваться и *Вирозеро*. Видеть в нем полную кальку, т. е. предполагать, что *вир*- является переуведенным на русский язык элементом (ср. *вир* 'глубокое место в реке или озере, омут, водоворот, пучина'⁴, в ареал распространения слова входит и Европейский Север России), затруднительно не только из-за малой продуктивности этой модели в Обонежье, но и потому, что появление полных переводов сопряжено с определенными условиями. Далеко не всякий даже из этимологически ясных атрибутивных элементов сложных прибалтийско-финских топонимов может быть переуведен. Наши наблюдения над характером контактов прибалтийско-финской и русской топонимических систем на Севере свидетельствуют о том, что имеются определенные семантические ограничители для перевода. При наличии соответствующей семантической модели названия в воспринимающей русской топонимической системе данной или смежной территории усваиваемый топоним подстраивается под него, занимает место в готовой ячейке (напр. Pit'kjärv > Долгозеро). Если же такой модели наготове нет, то, несмотря на ясную семан-

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969.

тику, возможности перевода ограничены⁵. Основа *вир-*, как убедительно свидетельствуют материалы картотеки топонимов Карелии и сопредельных областей, не входила в разряд продуктивных русских топонимных элементов, а поэтому вряд ли могла появиться в топониме Вирозеро как результат замены прибалтийско-финской семантически равнозначной лексемы.

Эти рассуждения, впрочем, могут оказаться и излишними, если учесть, что термин *вир*, если и был известен на Севере, то особого распространения не имел. Он не зафиксирован, к примеру, Словарем русских говоров Карелии и сопредельных областей. Все это возвращает нас к поиску дорусских корней названия *Вирозеро*. И здесь уместно вновь вспомнить о дугообразной, кривой форме Ганьковского озера. В прибалтийско-финских языках понятие «кривой, изогнутый» отражается как финское *väärä*, вепсское *vär*, карельское *viärä*, *veärä*. Эта прибалтийско-финская лексема кажется вполне реальным этимологом названия озера, и не только в контексте кривизны его, но и потому, что топооснова *väärä* достаточно продуктивна в прибалтийско-финской лимнонимии⁶.

Наиболее уязвимое место предлагаемого сопоставления — его фонетический аспект: может ли вепсское *vär*, карельское *viärä*, *veärä* преобразоваться в русском употреблении в *вир-*? Начнем с того, что сопоставление в целом не выходит за рамки прибалтийско-финско-русских соответствий. Еще в начале столетия известный финский славист Яло Калима обратил внимание на случай передачи приоб.-фин. *ä* через *ы* (? < *и*) в севернорусском *рымбать* 'вязнуть в болоте' из приоб.-фин. *gämrä*⁷. Он, правда, никак особо не комментирует этот случай, который на самом деле выглядит как исключение на фоне широко известного севернорусского /*a*/ > /*e*/, но не > /*и*/ в позиции перед мягким, а позднее по аналогии и перед твердым согласным⁸: /*п'ат/ый* — /*п'ет'/*, /*в'з'ат/ый* — /*в'з'ет'/*. Ср. действие этой закономерности в русской диалектной лексике прибалтийско-финского происхождения: *мянда* ~ *менда* (< *mänd*), *нергач* (< *närhi*), *нертега* ~ *няртега*

⁵ Муллонен И. И. «Святые» гидронимы в контексте вепско-русского топонимного контактирования // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноразличных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 24.

⁶ Kiviniemi E. Väärät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa. Helsinki, 1993. SUST 337.

⁷ Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im russischen. Helsinki, 1919. SUST XLIV.

⁸ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии). М., 1970. С. 17.

(< näрте), кебрик (< käbrü), гемея ~ гмяря (< hämäjä)⁹. С другой стороны, в прибалтийско-финских заимствованиях отражается еще одна характерная фонетическая севернорусская особенность /e/ > /u/, ср. у Калимы *виранда* ~ *веранда* (< veranto), *кипина* (< kerpi) и др.¹⁰ В связи со сказанным для происхождения названия Вырозеро из Вирозеро можно предположить фонетическое развитие приоб.-фин. (вепс.) ä > рус. диал. e > u (> y), т. е. опосредованное стадией e, как произошло, к примеру, в приводимых в СРГК¹¹ заонежских словах *кибра*, *кибрик*, существующим наряду с *кебрик* 'поплавок невода или рыболовной сети' (< людик. käbrü), или *кибалька* 'беспальный человек', ср. *кебали* ~ *кебяли* 'руки' (< карел. kärälä, людик., вепс. käbäl), то есть приоб.-фин. ä > заонеж. e > u.

В свою очередь, развитие u > y в позиции после согласного также укладывается в ранг закономерных изменений, характерных для прибалтийско-финских заимствований. К отмеченным еще Калимой *лыва* ~ *лива*, *лычма* ~ *личма*, *хырзы* ~ *кирза*¹² можно добавить зафиксированный в СРГК *кыркать* 'кричать' (< приоб.-фин. kirkuu) и заонежский топоним *Выгачино* (пролив в Онежском озере у Игатецкого острова) < приоб.-фин. антропоним Ihattu, Ihačču.

С другой стороны, Вырозеро выпадает из целого ряда заонежских топонимов с прибалтийско-финскими истоками, в которых изначальное приоб.-фин. ä передано в русском употреблении как /a/: Мягрозеро, Сяргозеро, Мяндино и др. Смущает и та многоступенчатость фонетических изменений, которая реконструирована для топонима Вырозеро выше. Ее, однако, можно избежать, если в качестве источника современного облика топонима Вырозеро предположить не вепсский (vär-), а карельский вариант лексемы, т. е. viärä, veärä, vierä с более напряженным, узким звучанием первого слога. Оно в отличие от более открытого ä значительно легче воспринимается в русское употребление как /e/, которое по законам русской диалектной фонетики переходило в /u/. Выстраивая данную цепь, мы опираемся на ряд однотипных случаев в лексике и топонимике Заонежья, когда приоб.-финские дифтонги -ie-, -iä- преобразовывались в заонежское -u- (через ста-

⁹ Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im russischen. Helsinki, 1919. SUST XLIV. S. 52—53.

¹⁰ Там же. S. 52.

¹¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1. СПб., 1994.

¹² Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im russischen. Helsinki, 1919. SUST XLIV. S. 51.

дию -е-): *килесы* ~ *келесы* 'вход в конусообразную сеть с обручами' < карел. *kieles* 'перегородка при входе в сеть'; *рипуca* (*рипукса*) ~ *репуca* < карел. *giärröi*, *giärrüs* 'ряпушка'; топоним *Литнаволок* (Уница) < карел. *liete* 'песок, низкий песчаный берег'. Наиболее показательное сопоставление обнаруживается в самой вырозерской топонимии. Среди входивших в состав Вырозера деревень одна носит экзотическое название Рим или Римская. Местный старожил в конце 1970-х годов связывал это название с аббревиатурой РИМ, в которую вынесены первые буквы фамилии, имени и отчества основателя деревни беглого солдата Решетникова Ивана Михайловича. В этой народной интерпретации причудливым образом переплелись традиционный фольклорный сюжет об основателе деревни беглым солдатом с реалиями 1920—30-х годов, когда в большой моде были разного рода аббревиатуры. Реальная же основа ойконима в другом — в том обширном болоте Залебежский или, иначе, Римский Мох, на северном крае которого стояла деревня (ср. фин. *rämpe*, собс.-карел. *rieme*, ливв. *riemi*, люд., вепс. *rämik*, *rämegist* 'болото, поросшее чахлым лесом'). Показательно, что географический термин широко заимствован севернорусскими говорами в облике *рям*, *рямник*, *ремник*, *реминщина*, *рямода*, передающим приб.-фин. *ä* как /'a/, редко /'e/, но не /'u/. Причина очевидна: в русское употребление слово попало из вепсского или близкого к нему источника. В заонежском же Рим явно отразилось карельское звучание лексемы *rieme* с дифтонгом *-ie-*, который в Заонежье преобразился в /'u/. Добавим к этому, что на обширной территории русской Карелии и в прилегающих к ней областях указанная прибалтийско-финская лексема отражена в десятках топонимов типа Рямега, Рямода, Рямик, Рямручей, Ремболото и т. д. На этом фоне редкие фиксации с /'u/, типа с. Римское на восточном берегу Онежского озера, заманчиво связывать именно с карельской огласовкой слова.

Как согласуется предполагаемая карельская (или опосредованная карельским языковым воздействием) интерпретация топонима *Вырозера* с остальной топонимией вырозерской округи? Сохраняется ли в последней некое карельское наследие? Начнем с того, что список топонимов Вырозера, включающий более 400 названий сельскохозяйственных угодий, лесных участков, ручьев, болот, возвышенностей, мест сбора грибов и ягод и т. д., небогат на наименования прибалтийско-финского происхождения, которых в этом списке найдется не более двух-трех десятков: поляна под названием Пелдукса (*peldo* 'поле'), поляна Каля, оз. Кальезеро, ручей Калей или Калейручей (люд., вепс. *kal'l'* 'скала'), ручей

Кивручей (kivi 'камень'), покос Ореховщина (oreh 'мерин'), покос Кузерка на месте бывшего пересохшего озера, что позволяет реконструировать прибалтийско-финский оригинал в виде *Kužaŋ < Kuz'/järv 'Еловое озеро'. В этом ряду своеобразным переводом прибалтийско-финского источника может оказаться название вырозерской деревни Житницкая (жито 'всякий зерновой немолотый хлеб' Даль), которая в списке середины XVI века названа Клементьевской, а затем в течение XVII века несколько раз Певдуново («д. Клементьевская, Певдуново тож» 1620, «д. Клементьевская на Вырозере, а Житницкая Певдунова за погостом» 1628—1629, «д. Клементьевская на Выре озере, а Житницкая Певдуново за погостом тож» 1647)¹³: ср. карел. *peldo* в значении 'растущий в поле хлеб'¹⁴. Приведенные примеры, однако, малопоказательны в смысле карельской идентификации, так как допускают и карельское, и вепсское толкование. Несколько продуктивнее обращение к таким вырозерским микропонимам как, например, поле «на сопочке» Кумбышка, в основе которого реконструируется собс.-карел. *kumbu* 'холм, пригорок, возвышенное сухое место на болоте'. Поскольку лексема неизвестна вепским говорам и следов ее не обнаруживается в топонимии на вепсской и южно-карельской территории, можно с достаточно большой долей вероятности видеть в вырозерском топониме собственно-карельское наследие.

Возможно, карельская традиция отразилась в названии поля Кортяха (ср. карел., вепс. *korteh* 'хвощ'). Насколько позволяет судить анализ адаптационных процессов, происходящих в результате интеграции вепсских и людиковских топонимов на *-eh* в русское словоупотребление, для последних характерен переход приб.-финского *-eh* в русское *-ega* (т. е. *korteh* > кортега). Кстати, ареальная дистрибуция вариантов *кортега* и *кортеха*, приводимая в СРГК, кажется, подтверждает предположение о преимущественно вепсских и людиковских истоках слова *кортега* и собственно-карельских истоках его варианта *кортеха*: первый бытует в Прионежье, Пудожском и Медвежьегорском районах, второй в Прионежье, Медвежьегорском, Кемском районах и в Сегозерье, то есть в более северном, смежном с собственно-карельским ареале.

В контексте карельских корней есть смысл присмотреться и к названиям некоторых деревень вырозерского куста поселений. К деревне Демеховской, судя по документам XVI — начала

¹³ Витов М. В. Указ. соч. С. 52.

¹⁴ Karjalan kielen sanakirja. IV. Helsinki, 1993. LSFU XVI, 4.

XVII века, примыкала деревня Таруевская («д. на Вирозере Демеховская и д. Таруевска в пашне» 1563 г.)¹⁵, в основе названия которой можно видеть карельский народный вариант *Taroi* ~ *Tarui* русского календарного имени Дорофей. В вепсском именовании такой вариант не отразился. В середине XVII века в Вырозере числилась «д. на Выре озере Алкутовская», наименование которой (если только мы не имеем дело с ошибкой) может восходить к имеющему скандинавские корни имени *Algot* ~ *Algut*, которое в XVI веке было известно, в том числе и на Карельском перешейке. А ойконим Маньковская заманчиво сопоставлять с представленным в разных областях Финляндии, а также в карельском Северо-Западном Приладожье антропонимом *Manko*, *Mankonen*, *Mankov*. Наконец, в названии деревни Еников Угол, которое выступало в качестве варианта к ойкониму Дальний Угол, позволительно видеть карельский антропоним *Hännikkä(inen)*, широко представленный в Северо-Западном Приладожье в документах XVI века¹⁶.

Очевидно то, что топонимы с предлагаемыми здесь карельскими истоками возникли не одновременно. Часть из них появляется в документах явно позднее, нежели *Вирозеро*, которое упоминается в источниках по крайней мере с середины XVI века. Они отражают, видимо, процесс «подпитывания» (по терминологии В. А. Агапитова и К. К. Логинова)¹⁷ Заонежья выходцами с карельской территории. Однако если признать карельские мотивы в этимологии топонима *Вирозеро* верными, то придется исходить из того, что карельское воздействие в языке и культуре Вырозера ощущалось уже до середины XVI столетия, что в целом не противоречит представлениям об относительно раннем карельском проникновении в Заонежье¹⁸.

Каковы бы ни были конкретные прибалтийско-финские истоки топонима *Вирозеро* — вепсские или карельские — уже упоминавшийся выше факт скудного «финского» наследия в топонимии Вырозера наводит на мысль о том, что в истории этой округи прибалтийско-финская страница не была столь значительной, как, к примеру, в соседних Кузаранде и Толвуде. Видимо, материковое *Вирозеро* не обладало для прибалто-финнов периода ран-

¹⁵ *Витов М. В.* Указ. соч. С. 36.

¹⁶ *Mikkonen P., Paikkala S.* Sukunimet. Keuruu, 1992.

¹⁷ *Агапитов В. А., Логинов К. К.* Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 71.

¹⁸ Там же.

ней экспансии такой привлекательностью, как прибрежные Толвуя и Кузаранда. В последних прибалтийско-финские следы особенно ощутимы в озерной топонимии — наименованиях заливов, мысов, островов, озерных тоней и мелей. В контексте общих тенденций этнической истории Заонежья и с учетом языковых закономерностей можно полагать, что гидроним *Вырозеро* в качестве наименования одного из озер в бассейне ручья Калейручей мог возникнуть уже на заре прибалтийско-финской истории края как отражение в большей степени промыслового, чем земледельческого освоения, сопровождающегося появлением постоянного поселения. Рождение последнего в Вырозере может быть сопряжено с фактом земледельческого освоения водоразделов, в котором приняло участие карельское население, откорректировавшее в соответствии со своими языковыми закономерностями традиционный, возможно имеющий первоначальные вепские корни, гидроним.